

ДИСКУССИИ

Стовпюк М. Ф., Лытов Д. А.

УДК 159.92
urania@pisem.net, socion@hotbox.ru

О СМЫСЛОВОМ СОДЕРЖАНИИ ПРИЗНАКОВ РЕЙНИНА

В статье рассмотрены признаки Рейнина — используемые в соционике бинарные признаки ТИМов, дополнительные к 4-м юнговским дихотомиям (базису Юнга). Подробно рассмотрена противоречивость смыслового содержания данных признаков. Рассмотрены причины «особого положения» базиса Юнга среди всех остальных базисов, образуемых с привлечением признаков Рейнина.

Ключевые слова: Аугустинавичюте, базис типологии, Гуленко, дихотомия, математика, признаки Рейнина, Рейнин, соционика, тест, ТИМ, Юнг.

Физические законы должны обладать математической красотой.

П. А. М. Дирак.

Не все, что математически красиво, является физическим законом.

Частное наблюдение.

Что известно о «признаках Рейнина»

Одним из достижений соционики считаются признаки Рейнина — бинарные признаки ТИМов, дополнительные к 4-м юнговским. Многие соционики, за плечами которых — опыт практического типирования, считают, что умение ими пользоваться повышает надёжность тестирования, а их открытие — это шаг вперёд по сравнению с американской типологией Майерс-Бриггс [5].

В этом свете крайне странным выглядит тот факт, что, несмотря на всеобщую известность «признаков Рейнина», им до сих пор посвящено чрезвычайно мало публикаций. Гораздо чаще признаки принимаются как данность, и используются как средство дополнительной оценки других соционических результатов [6, 8].

Здесь уместно разделить проблему на две части: 1) собственно получение признаков Рейнина (то, что сделал Г. Р. Рейнин) и 2) их семантическое описание (то, что представила А. Аугустинавичюте). С первой частью мы спорить не станем — это всё равно, что спорить с таблицей умножения. Очень кратко математика признаков представлена в следующем разделе. Наша же статья посвящена пункту 2. Какой смысл кроется за названиями признаков? Достаточно ли подробным описанием признаков мы обладаем, для того чтобы использовать их в диагностике?

Полное описание признаков Рейнина даёт только одна работа — первая и единственная в соционике на сегодня — это статья А. Аугустинавичюте [3], в которой и появился сам термин «признаки Рейнина», а также их названия: «аристократы/демократы» и др. В популярной соционической литературе сведения о признаках Рейнина черпаются в первую очередь из этой работы [15]. В то же время, сама А. Аугустинавичюте писала в предисловии: «Данная первая поспешная редакция «Теории признаков Рейнина» предназначена не широкому кругу читателей, а лишь узкому кругу социоников для дальнейшей разработки теорий, корректировок, поправок, усовершенствования терминологии. Не исключено, что, например, некоторые свойства типа личности, которые я отнесла к какому-то одному признаку Рейнина, после проверки придется отнести к другому». Это, по сути, означает, что «чистового» описания признаков Рейнина нет. Придирки к контексту не всегда себя оправдывают — всем известно, как трудно находить слова, когда описывается нечто новое. Поэтому мы поставили более конкретную задачу: проверить, насколько описания признаков от А. Аугустинавичюте согласуются с её же собственными описаниями ТИМов. В тех случаях, когда она не представила развёрнутое описание соответствующего типа, мы использовали описания И. Онуфриенко (Вайсбанда), созданные на основе её работ [11].

В. В. Гуленко переименовал и критически переосмыслил ряд данных признаков [5],

причём так, что в новом толковании произошёл перенос акцентов и смыслов. На наш взгляд, смещение акцентов происходит и в «бытовом» соционическом использовании признаков.

У нас создаётся впечатление, что некоторые соционики, использующие признаки Рейнина, понятия не имеют о том смысле, который вкладывали в них А. Аугустинавичюте или В. В. Гуленко. Они пользуются самым что ни на есть *бытовым* толкованием признаков: «аристократы» — значит, утверждают в обществе иерархию; «демократы» — значит, эту иерархию презирают; и т. д. Такое толкование, как мы покажем ниже, является вторичным переосмыслением термина, введенного А. Аугустинавичюте по совсем иным соображениям.

Цель нашей статьи — рассмотреть смысловое содержание признаков Рейнина и пригласить социоников к дискуссии с привлечением их практического опыта. Будем рады, если подобные дискуссии стимулируют проведение экспериментальных исследований в этом направлении.

Немного математики

Пусть у нас имеется n пар независимых дискретных признаков, полным образом описывающих некую реальность (иногда виртуальную, но в данном случае — структуру психики человека). Каждая пара является дихотомией, то есть состоит из двух взаимоисключающих свойств. При этом полнота системы означает, что любой объект этой реальности мы можем описать путём комбинации n признаков, каждый из которых был выбран из соответствующей пары дихотомий. Поэтому в итоге мы имеем 2^n различных вариантов объектов. Если обратиться к соционике, то четыре пары юнговских признаков ($n=4$) составляют сенсорика-интуиция, логика-этика, экстраверсия-интроверсия и рациональность-иррациональность.

Выбирая из каждой пары по одному признаку, мы получаем $2 \times 2 \times 2 \times 2 = 16$ соционических типов. Как уже говорилось выше, в основе деления на признаки лежит их **независимость**, то есть, ни один из них не может быть описан какой-либо комбинацией остальных трёх.

Только ли в юнговском базисе можно описать 16 типов соционики? Математик и психолог Г. Р. Рейнин первый **математически** показал, что юнговский базис может быть не единственным [3, 12]. Если у нас есть n признаков, то мы также можем их комбинировать по 2, по 3 ... по n штук, каждый раз получая новые признаки.

Всего возможных комбинаций, очевидно, будет $\sum_{m=1}^n C_n^m = 2^n - 1$ (поскольку сумма всех

биномиальных коэффициентов, C_n^m , равна $\sum_{m=0}^n C_n^m = 2^n$, а $0! \equiv 1$). Таким образом, для $n=4$ число

признаков равно 15. Очевидно, что **математически** все эти признаки **равнозначны**. То есть, мы можем взять любые 4 из них и по известному правилу получить остальные. Однако **соционическая равнозначность** признаков пока никем **не доказана**. Поэтому, основываясь на особом положении 4-х юнговских признаков, мы здесь вводим понятие **порядка признака**. В дальнейшем станет понятно, зачем. Итак, в случае, когда $n=4$, помимо 4-х признаков первого порядка, имеем 6 признаков 2-го порядка, 4 признака 3-го порядка и 1 признак 4-го порядка, всего 15 признаков. Согласно теории Рейнина, теперь мы можем выбрать любые 4 **независимых** признака, и уже с их помощью получить те же самые 16 типов.

Пример применения правила Рейнина

Всегда ли за математическими построениями стоит «физический» смысл?

Немного отвлечёмся от соционики. Рассмотрим этот же принцип на примере других признаков, которые, с одной стороны, **независимы** друг от друга, а с другой — **принадлежат к одной семантической плоскости**. Представим, что у нас есть 2 генетически заданных признака деления: П — пол (мужчины-женщины) и Р — резус-фактор (+ и -). Таким образом, мы имеем 4 группы людей: мужчины с положительным резус-фактором (М+), мужчины с отрицательным резус-фактором (М-), женщины с положительным резус-фактором (Ж+) и женщины с отрицательным резус-фактором (Ж-) см. рис. 1. А вот три способа, которыми мы их можем сгруппировать исходя из принципа «из двух групп — одна новая»: 1) [М+М-, Ж+Ж-]; 2)

[М+Ж+, М–Ж–]; 3) [М+Ж–, М–Ж+]. В первом случае группа образована по половому признаку, во втором — по резус-фактору, а в третьем? В чём смысл объединения этих групп? В чём генетическое и фенотипическое отличие группы [М+,Ж–] от группы [М–,Ж+]?

	<i>Мужчины</i>		
<i>Резус</i>	<i>М+</i>	<i>М-</i>	<i>Резус</i>
+	<i>Ж+</i>	<i>Ж-</i>	-
	<i>Женщины</i>		

Если мы знаем, что некто попал в группу [М+Ж–], даёт ли нам это знание дополнительную информацию относительно П и Р клиента? К чему приводит такой способ группирования? Ни к чему. **Мы получили «признак», который не имеет смысла.**

Рис. 1.

Подобный пример ничего не доказывает и не опровергает. Он просто напоминает нам о том, что даже корректное применение математических принципов не гарантирует смысловое наполнение результата.

Внутренние противоречия признаков Рейнина

Давайте пока сделаем вид, что с признаками первого порядка, собственно признаками Юнга, нам всё понятно... Мы вчитаемся в описания всех признаков Рейнина, составленные А. Аугустинавичюте, и проверим, соответствуют ли они её же описаниям соционических типов, или же здесь имеются противоречия. Искать такие противоречия — занятие вовсе не бессмысленное, поскольку *все последующие описания типов несут на себе заметный отпечаток канонических описаний автора соционики.*

Признаки 2-го порядка

В теории Рейнина таких признаков 6. Рассмотрим их все последовательно.

Статика/динамика

Этот, видимо, наиболее популярный среди социоников неюнговский признак получается путём пересечения юнговских признаков экстраверсия/интроверсия и рациональность/иррациональность. Таким образом, «статиками» назвали группы (экстраверты иррационалы + интроверты рационалы), а «динамиками» (экстраверты рационалы + интроверты иррационалы). Наиболее упрощённое толкование этого признака звучит примерно так: динамики вечно вертятся, что-то в руках теребят — мельтешат, короче говоря; а статик, раз выбрав удобное положение, в нём и остаётся (навсегда?). В. В. Гуленко, высказавший такое предположение, в дальнейшем внёс в него серьёзные поправки*. С другой стороны, некоторые соционики опираются в своих лекциях именно на данное толкование. Наблюдения говорят об ином: одним из самых «динамичных» по этому критерию получается «статик» СЭЭ, а его дуал «динамик» ИЛИ — одним из наиболее «статичных»**. Не забудем и СЛИ, который гордится своим умением не делать ненужных действий, лишних движений — в чём же тут динамизм? Хочется лишь напомнить, что термины статика/динамика возникли как следствие, мягко говоря, сомнительной, с физической точки зрения, аналогии между структурой психики человека и двигателем внутреннего сгорания [1]. А незаконная экстраполяция сомнительных аналогий, таких, как «кинетическая энергия — момент статики» и «равновесие — момент динамики» [1, стр. 60-61], не может служить гарантией достоверности умозаключения.

Однако вернёмся к первоначальному, авторскому толкованию признака: «Для статиков мир представлен объектами, а для динамиков процессами» [1, стр. 72]. «Мышлению статика присуще мысленное приостанавливание всеобщего движения. Мышление динамика, наоборот, включается лишь после того, когда статический объект удаётся представить себе движущимся» [3].

Обращаем внимание читателей на рисуночную часть СТШ (Семантического теста Шульмана), много лет успешно применяемую сотрудниками Международного института соци-

* *Прим.ред.:* Опубликованная в №4/02 журнала «Соционика, ментология и психология личности» статья В. В. Гуленко «Формы мышления» ясно показывает, что этот признак имеет отношение к особенностям мышления различных типов, а не к уровню их двигательной активности.

** *Прим.ред.:* Авторы проигнорировали утверждение А. Аугустинавичюте: «статик мыслит и говорит о статических аспектах внешнего мира, но его витальное кольцо является динамическим, он обычно подвижнее динамика» [1].

оники (коротко она описана в [16]). Дело в том, что автор этой методики обратил внимание на то, что статичность/динамичность человека хорошо проявляется в его рисунках: статички изображают «застывшими» и движущиеся объекты, а динамики находят движение даже в неподвижных, казалось бы, объектах, — портретах, в особенности, — изображённых художником-динамиком. Такое толкование полностью совпадает с точкой зрения А. Аугустинавичюте.

Далее: «Жизненные цели человека — в статическом кольце, методы и способы их достижения — в динамическом. Поэтому у статиков всегда много всевозможных целей, проблема с методами. А у динамиков — наоборот» [3]. Думается, и Г. Шлиман (ЭСЭ), и П. Столыпин (ЛСЭ), и В. Жириновский (ЭИЭ) не согласились бы с подобным высказыванием, да и у динамика Манилова (ИЭИ) целей было в достатке при полном отсутствии методов.

А вот ещё одно различие: «Внешняя программа принимается по витальному кольцу, которое у статика динамично, а у динамика — статично. Поэтому в случае, если, например, нет чего-то, что следует принести, динамику нужно говорить об отсутствии объекта и о том, что **некому** принести. Например, об отсутствии воды и водоноса. О том, **что** нужно **принести**, он подумает сам. На то он и динамик. Если ему просто сказать: «пойди и принеси», он обязательно чего-то недопоймёт, более того, этим вы можете и обидеть динамика. «Пойди и принеси» нужно говорить статистику. Если же вы будете жаловаться ему, что нет воды, он вас просто не поймёт. Не поймёт, что это вежливый намёк, потому что витальному кольцу нужны прямые указания» [3]. Рискнём высказать предположение, что статички не хуже динамиков понимают намёки, а стремление их «принимать к исполнению» зависит, скорее, от терпимости к манипуляциям намекающего.

«Движения динамиков всегда в большей или меньшей мере обдуманы с точки зрения их социальной рациональности и уместности, потому им присуща большая чёткость, отчётливость, иногда и резкость. Это движения от ментального кольца, т. е. «от ума», а не от собственного тела. Движениям статика присущи импульсивность, плавность, натуральность, обусловленность непосредственными внешними обстоятельствами, командами и — не хватает обдуманности, учёта поступков и эмоций других» [3]. Однако в другом месте автор пишет: «У шизотима-экстратима (динамики) походка угловатая, у шизотима-интротима (статички) угловатость пропадает, появляются элементы скольжения, но держатся тоже очень прямо, с достоинством. Однако в скольжении, о котором говорим, чувствуется скованность, оно не гибкое. У циклотима движения мягкие, всегда более или менее импульсивные... Что касается элемента импульсивности, то его больше у *циклотимов-экстравертов*, которые являются *статичками*, чем у *интровертов*, являющихся *динамиками*. И в мимике и в движениях.» [3]. Читатель сам может рассудить, противоречат ли два описания друг другу.

На наш взгляд, ближе всего к толкованию признака подошёл В. Гуленко (см., например, [5]). Ему удалось выделить четыре группы так называемых «соционических темпераментов». Согласно такому делению линейно-напористыми оказываются *рациональные экстраверты*, восприимчиво-адаптивными — *иррациональные интроверты*, гибко-разворотливыми — *иррациональные экстраверты*, а уравновешенно-стабильными — *рациональные интроверты*. Что же объединяет линейно-напористых и восприимчиво-адаптивных? А то, что несмотря на внешнее беспокойство первых и внешнее спокойствие вторых, **внутренне это две наиболее беспокойные группы** (и в этом смысле «динамики»). И напротив, внешне беспокойные гибко-разворотливые и бесстрастные спокойно-уравновешенные представлены **внутренне спокойными типами** («статички»). Поэтому если и можно говорить о буквальной «статичке»/«динамике», то именно в применении к **внутреннему** состоянию соционических типов, а не к их **внешним** проявлениям. Физиологическое основание для такого деления — степень «подвижности» нервной системы (по предположению Гуленко — шкала Айзенка нейротизм-стабильность), которая действительно выражается во взаимодействии таких параметров, как экстраверсия/интroversия и рациональность/иррациональность.

Мы видим, что изначально противоречивое описание признака породило результат: разные соционические школы толкуют один и тот же признак по-разному. Понимание зависит от принадлежности авторов к той или иной соционической школе.

Упрямые/уступчивые

Логика экстраверты и этики интроверты отнесены к «уступчивым», а логика интроверты и этики экстраверты — к «упрямым». А вот слова, которыми характеризуется «уступчивый» ЭСИ: «КЛАЙД не сомневается, что негодаев рождает уступчивость непринципиальных» [2, стр. 37]). И далее: «Чему *Клайд* учит своих близких? ... Упрямству, неуступчивости, умению противопоставлять свои чувства чувствам других» [2, стр. 39]. А вот выдержка из той же книги, где в качестве примера приводится письмо одного «упрямого» (согласно этой дихотомии) ЛСИ: «В жизни уступчив» [2, стр. 106]. Более того, под уступчивость ЛСИ подводится целая база: так нужно дуалу, «так как *Гамлет* только в отношении непокорных агрессивен, только пока ему кто-то сопротивляется» [2, стр. 111].

Чтобы узнать, что же «на самом деле» кроется за этими понятиями, обратимся к оригиналу: «из-за отсутствия склонности уступать прежде, чем доказано, что требующий уступок — сильнее, назовем их лучше *упрямыми*. Лишь эти люди реализуют принцип, что лучшая оборона — нападение» [3]. Уступчивые же были названы так «из-за склонности избегать физических столкновений» [3]. Заметим пока лишь, что «уступчивый» СЛЭ самим своим существованием опровергает данную фразу.

Согласно тому же тексту, упрямые «людей ценят по континуальности настроений и способности держаться, уважению к другим и умению требовать уважения к себе. Быть **значимыми**, держаться солидно, с важностью». Немного забегаая вперёд, отметим, что это определение перекликается с «бытовым» определением «аристократов». И далее: «□ (в «оценочном блоке» — прим. авт.) проявляется и во внимании человека к человеку. У *упрямых* это внимание должно быть **непрерывным**, континуальным. У *уступчивых* — дискретным. Постоянного внимания и даже уважения *уступчивые* не любят. Если ничего не нужно, зачем человека тормозить своим вниманием или уважением, зачем отвлекать его от дел и сосредоточенности?». Получается, что половина социона вполне терпит, когда его отвлекают без причины, просто чтобы продемонстрировать своё доброе расположение? И если терпимость, к примеру, ЛИИ так высока, то отчего же он «даже от друзей нередко стремится убежать к своим книгам»[11]?

«Несомненно, есть люди с большими и меньшими потребностями, этого не может не видеть и *уступчивый*, но он уверен, что **потребности появляются сами**, как только появляются возможности их удовлетворения, то есть, что возможности удовлетворения должны предшествовать появлению потребностей. Поэтому *уступчивый* старается создать недостаток потребляемых ценностей, сделать их доступными» [3]. То есть, у уступчивых нарушена причинно-следственная связь: что получили, то и хотели. Зато *упрямый* уверен, что следует начать с перевоспитания потребностей» [3] Однако представить себе ЭИЭ или СЭЭ, занятых перевоспитанием своих потребностей, нам не хватило воображения. Может быть, чужих? (так и слышится «Скромнее надо быть, товарищ!»).

А вот ещё одна перекличка с «аристократами/демократами» (опять же, в «бытовом» смысле; у Аугустинавичюте, как мы увидим дальше, этого пресловутого смысла нет и в помине). Итак, запоминаем: «*Упрямые* не признают панибратства, держатся чинно и важно, человек оценивается ими не по тому, как он работает, а по тому, как он **держится, по дистанции**. Умеет или не умеет требовать **постоянного уважения**».

«*Уступчивым* эмоции должны быть **понятными, информативными**, достаточно краткими. Было что сказать или обсудить, сказали, обсудили, и тема исчерпана. Не переносят неинформативных эмоциональных тирад», — что ж, писалось с ИЛЭ, да и только. Но доказывает ли это, что ИЛИ и СЛИ, с их уязвимой ■, будут упиваться «неинформативными эмоциональными тирадами»?

Признаемся честно, мы так и не получили сколько-нибудь непротиворечивого определения этого признака. Ни внешних, ни внутренних проявлений его нам проследить не удалось ни в соционической литературе, ни в жизни. Уступчивость может проявляться как результат воспитания, вежливости, как результат безразличия, наконец, как результат трусости, забитости (например, после того, как в качестве упрямого получил по голове), да и многого другого, но связывать это ситуативное качество с моделью?...

Аристократы/демократы

«Аристократами» А. Аугустинавичюте назвала *сенсорики-логиков* и *интуитов-этиков*, а «демократами» — *интуитов-логиков* и *сенсорики-этиков*. Поскольку за этими признаками закрепилось много мифов, вновь обратимся к первоисточникам: «Прозвище «аристократы» присвоено тем типам ИМ, в блоках которых элемент времени заблокирован с эмоциями, а самочувствие — с трудом, действиями, поступками. Первое даёт постоянство в эмоциях, второе поиск приятного в работе. Сама работа должна быть по возможности приятной, а её результат дать эстетическое наслаждение. У демократов, наоборот, эмоции недолговременны, определяются самочувствием. Но эти люди отличаются упрямым постоянством в перспективном деле, деле, обеспечивающем безопасность в будущем. Это потому, что элемент времени заблокирован с элементом физической активности» [1, стр. 70].

Какие выводы можно сделать отсюда:

- *Аристократы-динамики* более **постоянны** в эмоциях, чем *демократы-статики*. Проиллюстрируем фрагментом из описания ЭИЭ: «у него бывают минутные капризы, вспышки радости, неожиданные периоды пессимизма, но, как правило, ненадолго — они исчезают так же быстро, как и появляются» [11]. Говоря о «постоянстве», автор, возможно, хотел выразить нечто иное... но не получилось.
- *Статики* отличаются большим по сравнению с динамиками постоянством в перспективном деле. Например, СЭЭ должен быть более постоянен в «деле, обеспечивающем безопасность в будущем», чем ЛСЭ. Заметим также, что постоянство, умение доводить начатое до конца, перекочевало из рациональных добродетелей, в «демократические».
- *Демократы ищут приятного не в работе*. Так и просится продолжение «... а за её пределами». Кто из нас не грешен?

Внешним фактором для различения групп аристократов и демократов, согласно другой гипотезе А. Аугустинавичюте, можно считать социальную роль их представителей. Согласно этой гипотезе «верхние этажи общества» занимают «управленцы» (*сенсорики-логики*) вместе с дополняющими типами (*интуитами-этиками*), т. е. 2-я и 4-я квадры («аристократы»). Две других квадры, 1-я и 3-я («демократы»), вырываются наверх лишь на время, чтобы критиковать, исправлять ошибки, допущенные «аристократами», однако в целом удовлетворяются положением «внизу». Однако и внутри данных больших групп имеется свое расслоение: «руководят» *экстраверты*, а *интроверты* — на вспомогательных ролях» [7, 9]. Не случайно С. Кашницкий назвал такую схему «структурой страны Утопии». К сожалению, в соционике редко встречается единогласие по поводу типов знаменитостей, поэтому приводим **наше собственное мнение**: 7 из 9 руководителей СССР, а затем России принадлежали к «демократам» (Хрущёв — СЭИ, Брежнев — ЭСИ, Андропов — ИЛИ, Черненко — ЭСИ, Горбачёв — СЭЭ, Ельцин — ЛИЭ, Путин — ИЛИ). Не слишком ли много «кратковременных появлений»? Впрочем, эта статистика, безусловно, не доказывает и обратного, то есть, преимущественного пребывания у власти «демократов». По этой причине различать «аристократов» и «демократов» по стремлению к руководству (и по его стилю в случае достижения таковых полномочий) вряд ли представляется возможным.

Но оставим в стороне политическую сторону вопроса, попробуем выделить поведенческие различия. Цитируем выступление Т. Н. Прокофьевой (февраль 2002): «у *аристократа* в сознании присутствует некий образ социальной «лестницы», по которой он распределяет окружающих. У *демократа* же такой лестницы либо нет, либо же их (лестниц) очень много. *Аристократы* с уважением (или презрением, как повезёт) относятся к человеку именно в зависимости от его статуса (разного рода, разумеется), *демократы* же вовсе не замечают какие-либо иерархии». Эта же точка зрения существует в Киевской школе соционики.

Прежде чем приводить какие-либо аргументы, вспомним, что было написано чуть выше об *упрямых*, об их стремлении к значимости, солидности, важности, об умении требовать постоянного уважения к себе. Этими же самыми мерками «упрямые» якобы меряют и других. То есть «бытовое» понимание аристократии, то, что ряд практиков применяет в типировании, по мнению А. Аугустинавичюте относится **совсем к другому признаку**.

Есть и противоположные примеры: тем, кому полагается быть «аристократами», ведут себя как «демократы». Например, в каноническом описании ИЭЭ [11] отмечается: у данного типа «появляются серьёзные проблемы при службе в армии», так как они «склонны к панибратству» и «для них нет закрытых кабинетов». Для типа ЛСЭ, судя по описаниям того же автора, вполне допустимо спорить с начальством ради интересов дела.

Ещё раз повторим: первоначально в этот признак никакой «бытовой» аристократии/демократии не закладывалось. Первоначально был просто принцип деления, «смысловое» толкованиеросло позже...

Тактики/стратегии

Так получилось, что «тактиками» оказались *рациональные сенсорики* и *иррациональные интуиты*, а «стратегами» — *рациональные интуиты* и *иррациональные сенсорики*. **Чтобы встать на точку зрения автора, приходится отбросить не только привычные представления о тактике и стратегии** (классический стратег Кутузов (ИЛИ) оказывается согласно этому делению «тактиком», а классический тактик Наполеон Бонапарт (СЛЭ) — «стратегом»), **но и соционические описания.**

Например, в каноническом описании *Дон Кихота* от А. Аугустинавичюте несколько раз утверждается, что ИЛЭ — хороший стратег, но никуда не годный тактик (см., например, [1, стр.183, 347]). Зато вот, что написано относительно проявления этого признака у ЭСИ: «Клайд, как настоящий тактик, не только не умеет ждать, он боится ожидания» [2, стр. 63]. Вот только вопрос: относится это к тактике/стратегии или просто следствие слабой интуиции (как и у ЛСИ, ЭСЭ и ЛСЭ)? По-видимому, **именно благодаря интуиции в КНС** у перечисленных 4-х типов вся группа была названа «тактики». Или вот фраза о «стратеге» (согласно этому признаку) СЛИ из канонического описания: «Поэтому в субъективных межличностных отношениях СЛИ несмел и осторожен, не отличается и стратегическими талантами» [2, стр. 119].

Классики снабдили нас определениями, прочтём же их: «Тех, у кого в контактном блоке ●, называем *тактиками*, потому что они способны давать тактические советы и кратковременную материальную помощь... Их помощь — сиюминутная, советы — о том, как действовать в данной конкретной ситуации. При этом они не требуют отчета, как эта помощь будет использована и на то ли, на что просят» [3]. И напротив, «когда в контактном блоке ▲ информативность индивида стратегическая, он склонен и способен делиться информацией, имеющей стратегический смысл, давать стратегические советы. Они раздают собственное время и потенциальную энергию так, как другие — деньги» [3]. В этом случае можно смело утверждать, что большая часть человечества приходится на стратегические типы, так как желающих одалживать (тем более безотчётно) деньги всегда меньше, чем желающих давать советы. Впрочем «каждый, у кого ● в **базисном** блоке, всегда при деньгах, всегда имеет какие-то запасы, что-то накапливает. Те, у кого ● в **контактном**, — по своей природе не способны к накоплению, у них все проходит как сквозь пальцы, и потому они с удовольствием помогают первым» Возникает как минимум два вопроса: Помогают спускать накопленное? Это у ЭСИ и ЛСИ отсутствуют способности к накоплению?

«Обычно *стратег-дипломат* чему-то учится, приобретает какие-то знания только после того, как узнает, что это ему будет нужно» [3]. Между тем в соционике считается, что общим свойством всех интуитов является накопление информации, потребность в которой вовсе не сиюминутна. Особенно этому недостойному «стратегов» занятию привержены ЛИИ и ЭИИ. Далее «тактик ищет заработка или старается вернуть одолженное лишь после появления неизбежных расходов». В который уже раз фраза писалась с ИЛЭ, но вовсе не подходит, скажем, ЭСИ, который и одалживаться не любит, и о своих долгах другим не забывает [11].

«Ровно так же, как *тактик* старается не иметь сомнительных доходов, *стратег* избегает «нечистой», «посторонней» информации, с которой можно «влипнуть». Иногда лишь по той причине, что она не относится к тому, чем он официально занимается. Такая «стыдливость» совершенно непонятна тактике. Возьмем, к примеру, **соционику**. К ней достаточно большой интерес проявляли многие специалисты по типу ЛИИ, ЭИЭ, СЛИ, СЭЭ. Но пока это не академическая наука, использовать её в собственной практике, на деле, в работе они **не могут**». Опять

из сетований **конкретного** ИЛЭ выводится **общая** закономерность. Более того — как это согласовать с **непропорционально большим** количеством ЛИИ среди пионеров соционики, среди которых — такие имена, как Гуленко, Ермак, Золотарёв, Молодцов, Ритчик? Далее: «Все они [стратеги] очень осторожны с достоверностью информации, её правдивостью, качеством источников: никогда не спросят у другого, если можно посмотреть в справочник. *Тактики* — наоборот». По нашему мнению, ЛСИ, например, не настолько доверчив. Известны примеры, когда этот «тактический» тип получал требуемую информацию у ИЛЭ, а потом перепроверял её по справочнику. Несмотря на то, что во всех случаях ИЛЭ давал верную информацию, отказаться себе в перепроверке ЛСИ не мог.

«Тактик не чурается никакого источника информации, если только тот способен приблизить его к какой-то истине» [3]. По мнению автора соционики, ЛСИ не чурается анонимок, ведь не может же писавший их выдумать всё «из головы» [2] — это и есть пример проявления его «тактики»?

Тактик «не видит никакой необходимости оформлять или официализировать свои знания. Поэтому формальное, оформленное документами образование они приобретают лишь до тех пор, пока не начали работать. Как только приступают к работе, перестают что-либо оформлять, если только это кто-то не делает за них. От оформления ведь знаний не прибудет» [3]. Здесь чёрным по белому описывается позиция именно ИЛЭ, в частности, отношение А. Аугустинавичюте к проблеме официального статуса соционики.

«В дуальной паре *стратег*-дипломат идет впереди партнера по собственной инициативе или выталкивается партнером. Именно он выдвигает и рекламирует какие-то проблемы или потребности, проявляет инициативу от имени диады» [3]. Во-первых, как уже неоднократно отмечалось самой же А. Аугустинавичюте, реклама — задача *этических*. Но обратимся к не менее интересному примечанию: «в этом случае его очень трудно назвать *стратегом*, гораздо более убедительно, казалось бы, назвать *тактиком*».

Осталось ещё добавить, что во вступительной части к работе «Социон, или основы соционики» А. Аугустинавичюте проводит **прямую параллель** между интуитами и стратегами и, соответственно, между сенсориками и тактиками: «...Первых обычно называют людьми с абстрактным мышлением (интуитивные), вторых — с конкретным (сенсориками). ...Первые — стратеги, вторые — тактики» [1, стр.34-35]. Интересно, между тем, отметить, что К. Г. Юнг называл «абстрактными» те типы, которые мы сейчас называем «статиками», а конкретными — «динамиком» [Юнг].

Наконец, хотели бы поделиться наблюдением. Часть социоников всё ещё считает, что тест Майерс-Бриггс может применяться для определения соционических типов. Мы же обнаружили, что по критерию *S/N иррациональные сенсорики* чаще выбирают N (*интуицию*), чем S (*сенсорикой*). Чем это можно объяснить: тем, что они отвечают по своей «контактной» функции (то есть как «стратеги»? Но нет, тогда *иррациональные интуиты* должны были бы так же часто выбирать как «свой» признак S (как «тактики») — на практике же видим, что *иррациональные интуиты* почти всегда выбирают N. Очевидно, это следствие того, что в понимании американцев признак S во многом перемешался с рациональностью; это же подтвердили экспериментальные исследования О. Р. Меньшиковой (см. [9] и ссылки там же).

Иными словами, признак «тактика/стратегия» остался неопределённым.

Конструктивисты/эмотивисты

«Конструктивист (рационал-этик или иррационал-логик) входит в контакт с партнёром действием, поступком, эмотивист (рационал-логик или иррационал-этик) — сопереживанием, сочувствием» [15] Если приглядеться, этот признак очень похож на предыдущий. В том смысле, что название его опять же обеспечила лишь половина каждой группы. Почему, к примеру, ЛИИ, у которого в ролевом канале находится □, входит в контакт (кстати, нигде не конкретизируется, **какого рода** этот «контакт») *эмоциями*, тем более *интровертными*? По нашему мнению, конструктивистами было бы не менее естественно назвать всех *логиков*, как и эмотивистами — всех *этиков****. Иначе следует допустить, что программная логика/этика проявляется

*** Прим.ред.: именно для различения *этиков* и тех, у кого *этика* — ролевая функция, этот признак и нужен.

слабее, чем нормативная. Так может быть, однако нечётко сформулированы критерии отделения первого от второго.

Вновь обратимся к первоисточникам: «Конструктивисты отличаются внутренним постоянством, внутренней уравновешенностью или даже ригидностью» [3]. Выше мы уже рассматривали подобное толкование, касавшееся **совершенно иного признака** — статика/динамика — в свете соционических темпераментов. Но внутренне спокойные статика и «конструктивисты» — вовсе не одно и то же. Вряд ли, например, подавляющее большинство ЭИЭ или ЭСЭ («конструктивистов», согласно этому делению) отнесёт себя к «внутренне уравновешенным». Продолжаем: «Эмотивисты, наоборот, (отличаются) внешним постоянством, т. е. постоянством в делах, во внешних отношениях. Первые [конструктивисты] сравнительно быстро меняют род занятий, вторые [эмотивисты] — объекты, вызывающие как положительные, так и отрицательные чувства и эмоции» [2]. Опять путаница: ранее автор писала, что к более частой смене, как отношений, так и мест работы, склонны экстраверты, которые строят отношения исходя из качества объекта. Интроверты же, якобы, наоборот, готовы меняться сами «под» устраивающие их отношения [1]. Но и это утверждение ставится под сомнение очередным отрывком: «Для каждого циклотима, наоборот, объект — причина и исходная точка системы, система — следствие объективных свойств объектов: хорошие объекты — хорошие отношения» [3]. Вы не находите, что все эти определения явно противоречат друг другу? Очевидно, как минимум, два из трех приведенных утверждений — ложные.

«Конструктивисты и эмотивисты по-разному общаются. Эмотивисты общаются как бы во всех четырех направлениях сразу, и поэтому незаменимы в компаниях. Конструктивисты же — лишь в одном. Это какое-то «целевое» общение, направленное на одного человека, на одну тему, на одну идею» [3]. Здесь необходимо уточнить, что автор имел в виду: «одна тема» и «один человек» — разные понятия, их смешение ничем не оправдано, что хорошо видно из следующего примера. Гуманитарии ЭИЭ («конструктивист») и ИЭЭ («эмотивист») общаются с людьми с точностью до наоборот: ЭИЭ лучше работает на большие аудитории, а ИЭЭ предпочитает общаться индивидуально****.

Беспечные/предусмотрительные (осторожные)

Беспечностью «по-соционически» отличаются *интуитивные экстраверты* и *сенсорные интроверты*, тогда как *предусмотрительностью* — *интуитивные интроверты* и *сенсорные экстраверты*, а критерием служит положение функций Δ , \blacktriangle , \circ , \bullet в «оценочном блоке» (1,4,5,8 функции Модели А).

И вновь не будем полагаться на лингвистические догадки о смысле этих слов — обратимся к первоисточникам. Беспечные «себя и других оценивают по всевозможным запасам, как средств производства, так и информации — \blacktriangle . И по изобилию сенсорных ощущений (\circ)» [3]. Не так уж беспечны эти «беспечные», надо признать... Осторожные «оценивают по количеству подчиненных людей и пригодных для использования вещей (\bullet). И по умению планировать, то есть — распоряжаться временем (Δ)...» [3]. Распоряжаться временем, то есть, творчески его использовать полагается уметь ЭИЭ и ЛИЭ, которые здесь относятся к «беспечным».

«Беспечные не имеют понятия, что в какое время укладывается. Потому неспособны к последовательному планированию, их планы нереальны. Или совсем не планируют, или разрываюются, чтобы запланированное выполнить в половину срока. То, как используют время, всегда определяется ситуацией, а не планом» [3]. Отметим пока лишь, что часть социоников (не без влияния теории Майерс-Бриггс) считает склонность к планированию качеством, присущим *рационалам*. А тут 4 *рационала*, причём два из них — с творческой Δ , почему-то оказываются неспособными к планированию.

Осторожные «постоянно стремятся к эстетическому наслаждению, готовы восхищаться красотой и возмущаться безобразиями. Собственная жизнь оценивается по богатству эстетиче-

**** Прим.ред.: ЭИЭ предпочитает большую аудиторию, но цель, тема, идея у него одна, и с этой большой аудиторией он общается как с единым целым. ИЭЭ предпочитают общаться индивидуально, но с очень широким кругом людей, поэтому в компаниях они действительно незаменимы.

ских переживаний. По-моему, именно они образуют основную массу посетителей музеев, выставочных залов, театров, а возможно, и стадионов» [3]. ЭИЭ тоже, к примеру, склонны оценивать жизнь по богатству эстетических переживаний, да и не только они. Почему же сразу всем «беспечным» в этом отказано? **И главное: как вы думаете, каким будет ответ СЭИ и СЛИ на вопрос: «Важны ли для вас эстетические переживания?».**

Видно, что и этот признак описан крайне противоречиво, и уж точно нет никаких оснований для его выявления. Впрочем, на практике часто пытаются выявить совсем другое, а именно буквальную «предусмотрительность» и «беспечность». Что при этом получается, можно себе представить...

Признаки 3-го порядка

Весёлые/серьёзные

Формально здесь пересекаются три дихотомии, исключая *интуицию–сенсорику*. В результате I и II квадры называются «весёлыми», а III и IV — «серьёзными».

Что же дало повод, к такому названию? «*Весёлые* свободно обсуждают и высмеивают внешние связи, системы потребностей, место человека в социальной иерархии. Много рассуждают о том, что разумно и что нет, о почёте, уважении, желании или нежелании во что-то вмешиваться, оставаться на расстоянии. О делах и подвигах — молчат, как бы боясь «дурного глаза». Поступки вообще почти что скрываются. Когда говорят, говорят лишь о том, что «следовало бы», а не о том, что сами собираются делать» [3]. Некстати, обратим внимание на вышучивание «места в социальной иерархии» и вспомним, что часто это связывается с «демократией».

«*Серьёзные*, наоборот, скрытны в эмоциях, в том, что их воодушевляет или подавляет, улучшает или портит настроение. Скрывают они и нужные им отношения с объектами, то есть систему своих потребностей и степень их удовлетворенности. Как и место в социальной иерархии» [3]. Скрывает ли, например, СЭЭ своё место в социальной иерархии?!

Читаем далее: «*весёлые* стараются работать и вообще — действовать коллективом и осторожно» [3]. Признаться, мы считали это признаком *интроверсии*: ведь именно *интроверты*, согласно Аугустиновичу, ориентированы на сохранение отношений, в то время как *экстраверты* — на личную инициативу. «*Весёлые* уверены, что каждый человек действует так правильно, честно, старательно, как только умеет. Потому, если поступок приводит даже к преступлению, здесь полная уверенность, что «так получилось» и что, хотя человек виноват по закону, он «не виноват», морально он чист» [3]. *Логиков* обычно интересуют не причины, не побуждения, а следствия поступков (не как хотелось, а как получилось... или не получилось). Кроме того, вряд ли честность можно считать типным признаком.

«Если наступили на ногу *весёлому*, он всегда уверен, что это нечаянно. *Серьёзный знает*, что это **специально**, и соответствующим образом реагирует» [3]. Похоже, «весёлый» ЛСИ — И. Сталин — не знал, как ему полагается реагировать.

Очевидно, признак весёлые/серьёзные связывают с ценностью/антиценностью рациональных функций: ценностью □ и ■ в I и II квадрах и ценностью ■ и □ в III и IV квадрах. Но эти «ценности» по-разному проявляется даже у зеркальных типов, например у ЛИИ и у ИЛЭ, у СЛЭ и у ЛСИ, и вряд ли их можно представить, как описанный выше признак весёлость/серьёзность.

Как и для ряда других признаков Рейнина, название этого может сильно сбить с толку. Зачастую диагностировать пытаются весёлость и серьёзность в их обычном понимании. Хотя, если приглядеться, то в кино трагические (серьёзные) роли чаще играют «весёлые» ЛСИ и ЭИЭ, а комедийные — «серьёзные» СЛИ и ИЭЭ [7]. Такой вот «парадокс».

Рассудительные/решительные

Здесь пересекаются все дихотомии, кроме *этики–логики*. В результате получаем, что квадры с ценностями ▲ и ○ называются рассудительными (I и IV), а квадры с ценностями △ и ● — решительными (II и III). Описания признака прямо следуют из этой системы ценностей: «В группе *рассуждающих* открыто обсуждаются вопросы потенциальных возможностей, способностей, проблемы внутреннего содержания и структуры объектов и субъектов. Стараются

не столько «узнать», сколько «понять» природу вещей и явлений. Непонятного не любят и не стесняются об этом говорить. Открытые обсуждения самочувствия, приятных и неприятных ощущений, боли, в общем — разных сенсорных радостей и неприятностей. О предметах и их приобретении говорят только тогда, когда это то, что им нужно. Общих «интеллектуальных» рассуждений на эту тему избегают, а действуют по возможности совместно (см. выше — ранее указывалось, что так действуют «весёлые»). Вещей и денег стараются иметь «сколько нужно», сколько «полагается», «принято». [3]. И, наоборот, «у *решительных* открыто обсуждается умение накапливать материальные и человеческие ресурсы как источники кинетической энергии, проявлять свою волю (из-за того они и названы решительными). Открыто говорится о внешности людей, формах, одни формы противопоставляются другим. Свое Я, то есть своя воля и внешность, на словах тоже очень часто противопоставляется другим» [3]

Следует также отметить, что признак решительные/рассудительные довольно часто, вслед за В. Гуленко, называют иначе — центральные/периферийные. С точки зрения Гуленко, только центральные квадры могут участвовать в руководстве, а периферийным светит лишь быть на подхвате [9]. Что ж, ещё один вариант страны Утопии...

Однако учтём, что в цивилизованном обществе грубая сила не приветствуется, а «негрубую» время от времени приходится проявлять многим, поэтому как определять этот признак на практике, представить трудно. Именно поэтому на практике часто можно наблюдать, что при ответе на вопрос «склонны ли Вы использовать силовые методы или предпочитаете договариваться?» находится мало желающих выбрать первое — даже среди представителей «центральных» квадр.

Позитивисты/негативисты

Если пересечь три дихотомии, кроме *рациональности–иррациональности*, то мы получим эти две группы. Одно из направлений чередования функций в статическом кольце ($\blacktriangle \Rightarrow \square \Rightarrow \bullet \Rightarrow \square$) автор связал со знаком «+», а другое ($\blacktriangle \Rightarrow \square \Rightarrow \bullet \Rightarrow \square$) — со знаком «-». Нам такой выбор автора показался произвольным, и чтобы разобраться, мы обратились к смыслу, который вкладывается в данный признак.

Итак, у них «разное отношение к новому. *Позитивисты* постоянно находятся в поиске нового, интересного, старое уже наскучило, и любую новую информацию, любого нового человека они воспринимают радостно, с энтузиазмом. Это пионеры нового. *Негативистам* хорошо с тем, что у них накопилось, к чему привыкли, к новому они относятся с недоверием, опаской, отрицанием. По своей природе эти люди недоверчивы, консервативны» [3]. Что сразу бросается в глаза: «позитивистам» приписываются качества, которые в соционике считаются качествами *экстравертов* (готовность к постоянному восприятию информации), а «негативистам» — качества *интровертов* (стремление ограничить поступающую информацию, более тщательная переработка того, что уже накоплено). А между тем, половина «позитивистов» — *интроверты*, как и половина «негативистов» — *экстраверты*. «К этому следует добавить, что пионеры-позитивисты видят во всём, прежде всего, то, что людей объединяет, связывает, сближает. Консерваторы — то, что людей разделяет, отличает, разъединяет» [3]. Заметим, что свойство видеть в первую очередь **общее** часто приписывают *иррационалам* — они видят целостную картину, и напротив, *рационалы* лучше замечают **различия** [5]. Причём, дихотомия *рациональность–иррациональность* — единственная, которая **не участвует** в образовании рассматриваемого признака. Что же мы получаем: согласно такому определению «позитивистами» должны быть *экстраверты-иррационалы* (ИЛЭ, СЛЭ, ИЭЭ, СЭЭ), «негативистами» — *интроверты-рационалы* (ЛИИ, ЛСИ, ЭИИ, ЭСИ), все остальные 8 типов под эти определения просто не попадают, ни рыба — ни мясо в этом смысле. Но согласно такому делению, СЛЭ и ИЭЭ отказано быть «позитивистами», как и ЛСИ и ЭИИ не полагается проявлять «негативизм». Почему?

«Отношение к работе. Пионеры-позитивисты, если уж берутся за какую-то работу, то действуют с охотой и размахом, но не любят проверять результаты: сделанное они как будто сдают партнеру, который должен сам все проверить, оценить, успокоить, что все в порядке или потребовать какой-то доделки» [3]. Это, опять же, свойство *иррационалов* — неумение, нежелание доводить дела до конца. Во всяком случае, *иррационалу*, чтобы довести дело до конца

требуются гораздо большие усилия, чем *рационалу*, которому труднее бросить дело незаконченным. С другой стороны, об этом же свойстве Аугустинавичюте пишет, как о свойстве *экстравертов* [1], в чем с ней согласны американцы — сторонники теории Майерс-Бриггс.

«Консерваторы-негативисты в работе отличаются точностью, прецизионностью. Просто так никому не доверяют, все проверяют на себе и других. Проверять их самих обычно излишне. Разве только, с точки зрения необходимости придать их активности больший размах. Из-за склонности все проверять и уточнять их можно назвать «корректорами» или «редакторами» [3]. Но, простите, о доверии и недоверии к информации говорилось в признаке тактики/стратегии, где такое недоверие приписывалось «стратегам». Теперь же выходит, что «негативистам».

«Став формальным лидером, негативист сразу же ограждает приобретенную территорию от неконтролируемых влияний, начинает «диктовать». Все, что извне, требует его тщательной личной проверки» [3]. Скорее этот стиль можно приписать волевым сенсорикам, а если более широко, то внести в ценности II и III квадры. К примеру, к такой диктовке склонен «позитивист» ЛСИ. Впрочем, мы не считаем, что всё так просто. Далее: «Отличительная черта руководства этого типа («позитивистов») — управлять не самими людьми, а их энтузиазмом. **Воли они не проявляют**, категорически не демонстрируют» [3]. **Как СЛИ может управлять энтузиазмом других, имея в КНС ■ — загадка. Как СЭЭ может не проявлять воли — тоже загадка.**

Ничем не подкреплён тезис Аугустинавичюте, что «истинным диктатором может быть только негативист» [1]. В своей таблице знаменитостей она сама приводила немало противоположных примеров. Иначе мы будем вынуждены считать, что Гитлер — это диктатор, а Сталин — не диктатор и Юлий Цезарь — тоже не диктатор (каковым он был даже по должности!). Но это уже не соционика — это идеологические изыскания.

Вообще трудно понять, почему комбинация всех признаков, кроме *рациональности*—*иррациональности*, должна приводить к такому странному эффекту, как позитивизм—негативизм человека. (А на деле — оптимизм/пессимизм. Нам приходилось сталкиваться с декларацией того, что эти качества, позитивизм-оптимизм и негативизм-пессимизм, не тождественны, но в чём же кроется их различие, объяснить так никто и не смог.)

Примечание: Данный признак как будто бы проявляется в описаниях **некоторых** соционических типов. Например, ЛИЭ демонстрирует оптимизм даже в самых сложных ситуациях, ЛСЭ — наоборот, предпочитает больше говорить об отрицательном (хорошее и так само собой разумеется) [11]. Это — позитивизм и негативизм **в самом что ни на есть бытовом смысле**, а не в том, в каком признак толковался автором. Однако из отдельных фактов еще не следует, что данное правило можно распространить **на все** типы. У некоторых, как мы только что рассмотрели, данный признак действует лишь «постольку-поскольку». К примеру, ИЭЭ, у которого «радушное настроение сменяется приступами хандры, и наоборот» [11] — *позитивист* или *негативист*?

Левые/правые

Этот признак мы получаем, если пересечь все дихотомии, кроме *экстраверсии*—*интроверсии*. Признак весьма и весьма интересен, поскольку «16 типов ИМ или восемь диад ИМ объединяются в два кольца социального прогресса. Кольца имеют противоположные направления... Они совершенно тождественны, пока не учитываем их противоположного знака и противоположного направления. Противоположность знака и есть та великая притягательная сила, которая их тянет друг к другу». Не убеждает: аналогия может иллюстрировать *уже доказанное*, но не использоваться как доказательство! «В первом кольце потенциальная энергия сразу используется в труде, после чего появляется ИКЭ, которая возбуждается, подвергается внутренней мобилизации (М). Во втором кольце СП ИПЭ прежде всего возбуждается, превращается в ИКЭ, после чего используется в работе. Это самый нормальный ход энергетического метаболизма. Если источником потенциальной энергии является топливо или — **человек**. Тогда потенциальная энергия зажигается, превращается в кинетическую и используется в работе... В первом кольце ход противоположный. Наличие потенциальной энергии ведет прямо к **работе**. Это поймем лишь после того, когда представим, что потенциальная энергия — сырье, к

которому прибавляется труд человека ради изготовления подходящих для потребления объектов» [3]. Итак, снова все выводы сделаны на основе аналогии с двигателем.

«Возможно, левых больше волнует объективное, в том числе бесполезная трата земных богатств, правым кажется, что самое важное на земле — человек с его воодушевлением и потребностями... Возможно, у правых есть способность заботиться о человеке просто потому, что он человек, а не потому, что его активность нужна обществу. Все это следует изучить. В настоящее время достоверным является лишь то, что в чем-то между ними существенная разница и что в её основе — противоположное направление ИМ» [3]. Далее приводится пример самого автора: «...предполагается, например, что левые — большие домоседы и с большим удовольствием принимают гостей у себя дома, на своей территории, чем покидают ее и навещают других; правые, наоборот, обычно с большим удовольствием ходят к другим, чем принимают у себя» [3].

Новое в понимание данного признака внёс В. Гуленко. Для начала он переименовал левых в правых, а правых — в левых. После этого толкование данного признака разными соционическими школами стало приобретать самые причудливые формы. Высказанная Гуленко сначала устно (на ряде семинаров), а затем и в публикациях [5] мысль, что «левые нацелены на результат, а правые на процесс», сейчас активно поддерживается московской школой, в частности, Т. Н. Прокофьевой. Между тем, когда мы в сентябре 2002 г. выступали с предварительным докладом по данной теме перед различными киевскими школами, такая точка зрения была киевлянами дружно отвергнута****. Хорошо бы провести опрос, кто и на что реально нацелен. Если потом убрать фон (поменьше работать — побольше получать), то нашим глазам, скорее всего, откроется **глубокая истина**: в том, что людям нравится делать, они нацелены на **процесс** (не пренебрегая, естественно, результатом), в том, что не нравится, но необходимо — на **результат** (а ещё лучше — унести бы подальше ноги).

Признак 4-го порядка — квестимы/деклатимы

Он один-единственный, полученный пересечением всех юнговских признаков в 4-мерном пространстве соционики. «Хотя признак выявлен достаточно давно, о его проявлениях в характере и поведении человека пока можно сказать очень немногое. О квестимах уже с самого начала было известно, что эти люди, говорят преимущественно в вопросительных интонациях и как бы менее категорично, чем деклатимы. Квестим всегда, в какой-то мере, спрашивает, как бы стараясь не навязывать своё мнение... У квестима в глазах вопросительный знак, у деклатима, склонного к декларированию, утверждению различных истин — восклицательный» [3]. Действительно, есть такие качества у людей, но почему они должны иметь соционическую природу?

Вернёмся к нашим *квестимам/деклатимам*. «Об этих двух группах людей известно ещё одно. У **квестимов** — склонность **«вещать на месте»**. Они не то что не заботятся о слушателе, в них живёт уверенность, что если он решил что-то сказать, то близкие явятся к нему, как только услышат начало этого вещания... **Деклатимы** в этом отношении представляют собой нечто совершенно иное. Они, прежде чем начать говорить, находят слушателя, а когда слышат, что в другой комнате начали разговаривать, идут посмотреть, что там происходит» [3].

«Можно ещё добавить, что *квестимов* вдохновляют и растормаживают восклицательные знаки и категорический тон *деклатима*, а *деклатимов* — вопросительные, требующие помощи и располагающие к совету интонации *квестима*» [3]. Ясно: на все вопросы, которые появляются в голове у ИЛЭ, ответы даст СЭИ... Но мы сами, будучи по этому определению *квестимами*, можем не согласиться. И вот почему. *Квестимы* предрасположены к дискуссии. Если у них есть много вопросов. Но это не означает, что после тирады деклатима, эти вопросы отпадут. Скорее всего, то, что может сказать деклатим — всего лишь одна из версий, которая уже

**** Прим.ред.: Для признака, задающего структуру социона, невозможно дать односложное и однозначное толкование. То, что одни исследователи акцентируют внимание на одних проявлениях признака, а другие — на иных, все не означает, что между ними существуют непримиримые противоречия или что одни отвергают мнение других. С нашей точки зрения, мнения Т. Н. Прокофьевой, В. В. Гуленко и других представителей Киевской школы соционики вполне согласуются друг с другом.

сидит в голове у квестима (Здесь речь идёт не о тех, кому, согласно соционике, полагается быть деклатимами, а о деклатимах «по жизни»). Поэтому уверенные интонации деклатима в спорном для квестима вопросе укажут квестиму лишь на ограниченность деклатима.

Можно также привести ряд исторических примеров явных квестимов, которым «полагалось» бы быть деклатимами: Сократ (ИЛИ), И. Бродский (ИЛИ), М. Лермонтов (ИЛИ), а также ряд «деклатимов по жизни», которые незаконно избежали квестимности: Л. Толстой (по мнению разных авторов — СЭЭ или ЭИЭ, но в любом случае «квестим»), В. Жириновский (ЭИЭ), М. Горбачёв (СЭЭ). Более того, пример с Сократом — просто кричащий: ведь известная «сократовская» манера ведения диалога как раз и **состоит в постоянном задавании вопросов**, чтобы собеседник сам подошел к нужной истине.

Наше главное замечание к данному признаку — методологического характера. Поскольку его содержание не выводимо из Модели А, оно может быть получено только экспериментальным путём и на достаточно репрезентативной выборке. Поэтому и критиковать автора нельзя: она высказала *предположение* и честно об этом предупредила (ещё раз отсылаем к цитате Аугустинавичюте, приведенной в начале нашей работы). Заметим, что среди социоников мы не одиноки в своих сомнениях [15]. Это же замечание можно применить и к любому из рассмотренных выше признаков.

Предварительные итоги

Итак, мы выяснили следующее.

«Хороших» описаний признаков Рейнина — нет. Есть гипотеза, которая предназначалась для обсуждения и критики в довольно узком кругу, и есть обрывочные и разрозненные упоминания в работах разных авторов. По мнению самого автора, описания противоречивы и пока не могут служить доказательством существования признаков Рейнина **в соционике**, и тем более не могут применяться в тестировании.

Из практических примеров: в феврале 2002 г. мы принимали участие в показательном типировании по признакам Рейнина в Санкт-Петербурге. Типируемый уже знал свой тип, и хотел увидеть, будет ли этот же тип получен при типировании по признакам Рейнина. Тем не менее, первоначально допущенная (в том числе и нами) ошибка по двум из юнговских шкал не была исправлена выявлением остальных признаков Рейнина — они чётко «уложились» в первоначально определённые 4 юнговских признака. Странно, что результат не породил сомнений в надёжности такого метода определения типа.

Возникает вопрос: на чём основана уверенность в содержании признаков Рейнина? Сам Рейнин пишет авторам статьи, что «комбинация — это формализм построения и **никакого отношения к семантике признаков не имеет**. Построить этот признак можно разными способами. Комбинация ни к чему не приводит, кроме нового разбиения, свойства которого никоим образом от способа построения не зависят». Как же удалось решить эту нетривиальную проблему со смысловым наполнением признаков? Наше предположение: на вакантные должности были выдвинуты **некоторые** часто используемые характеристики человека. В этом случае за гипотезой должна была последовать серьёзная проверка... Но так сложилось, что соционика была придумана автором-ИЛЭ; поэтому неудивительно, что основные положения были выдвинуты ею и проверены, исходя в первую очередь из **собственного опыта**. По нашему мнению, описания большинства признаков Рейнина получались по принципу: «Если ИЛЭ — статик, и заявление X для него справедливо, то оно справедливо для **всех** статиков вообще». В тексте работы [3], как видно из приведенных выше примеров, мы нашли достаточно много подтверждений такому предположению.

Мы понимаем трудности автора, *впервые* представившего гипотезу. Но мы категорически не согласны с тем, чтобы ещё сырая гипотеза истолковывалась как «инструкция к исполнению», вопреки мнению самого автора.

Возникает и ещё один вопрос: почему же признаки Рейнина **уже** считаются достижением соционики, хотя гипотеза **ещё** требует доработки — ведь пожелание автора об устранении противоречий **пока не выполнено**? Здесь, как нам представляется, можно выделить как минимум две причины.

Во-первых, часть исследователей признаёт, что часть признаков у них в части случаев работает. Было бы странно считать коллективным самообманом независимое мнение довольно большой части социоников-исследователей. Значит, осталось лишь проверить при помощи экспериментов: относится ли к целому то, что относится к части.

Во-вторых, зачастую гуманитарии испытывают комплекс неполноценности перед представителями точных наук. Действительно, математике — несколько тысяч лет, психологии и социологии — от силы столетие. Гуманитарные науки только-только начинают осваивать нишу, которую ранее прочно занимала церковь. И такое отношение сплошь и рядом проявляется в быту: студент мехмата готов часами рассуждать о проблемах гуманитарных наук, в то время как гуманитарии, как правило, воспринимают математику как нечто сложное и малопонятное. Так и в соционике одним из ее «козырей» перед психологией а priori считается то, что ее создавали в основном представители точных наук [5].

Именно «математичность» признаков Рейнина оправдывает в глазах соционика любые противоречия в их смысловом содержании. При этом игнорируется замечание Рейнина о том, что из математического построения семантика признаков ещё не следует. Даже для первокурсника, знакомящегося с математикой, данное замечание является очевидным фактом; для гуманитария же, далёкого от математики, «математичность» становится культом. А где появляется культ, там кончается наука.

Равнозначны ли признаки Рейнина

Немного химии и физики

Для начала — абсурдный пример. Представим себе, что мы «извлекли» из периодической системы элементов Д. И. Менделеева элемент № 17 — хлор Cl, а вместо него поместили соединение NaCl. Если при этом мы оставили элемент № 11 — натрий Na, то можно ли считать, что такая замена не вносит никаких принципиальных изменений в химию? Это сейчас мы хорошо знаем, что Na и Cl — элементы, а NaCl — всего лишь соединение. Однако в представлениях алхимиков вплоть до XVIII века соль была равноправным элементом среди других элементов. Не обстоит ли дела таким же образом и с гипотетическими «признаками Рейнина»? Для этого нужно решить вопрос об их материальных носителях.

Принцип структурности рефлекторной теории Сеченова-Павлова гласит: в мозгу не может быть бестелесных процессов; каждой функции, какой бы сложной она ни была, соответствуют нервные элементы, которые её выполняют [4, стр. 17]. Нелишне вспомнить и самого Юнга: «отрыв тела от души — искусственная операция, дискриминация, которая, несомненно, в большей степени основывается на своеобразии познающего разума, чем на сути вещей» [16].

В соционике существуют два противоположных течения. Нельзя забывать, что достаточно большая часть исследователей оставляет вопрос о материальных носителях признаков «на потом». В лучшем случае произносятся дежурные слова о право-левой симметрии головного мозга. Особо любопытным нарисуют чакры и скажут, что у интровертов энергия входит через какие-то особые места (не везде прилично показывать, какие именно), а у экстравертов из этих же самых мест энергия выходит [7 и др.]. После этого считается, что можно переходить к довольно абстрактным понятиям *информационный* и *энергетический* метаболизм.

Но будет несправедливо забыть и о противоположной тенденции: целый ряд авторов (С. А. Богомаз, В. Н. Васильев, В. В. Гуленко, Д. А. Иванов, М. С. Сандомирский, В. Л. Таланов и др.) посвятил свои исследования вопросу психофизиологической локализации соционических функций. У этих работ, при ряде существенных различий в подходах, есть общая черта: во всех случаях рассматривается вопрос о локализации **только 4 юнговских признаков** — при том, что некоторые из перечисленных авторов согласны признать существование «признаков Рейнина». Вряд ли это говорит о «первичности» юнговских признаков — скорее это выражает молчаливое согласие со словами Аугустинавичюте о том, что смысловое содержание признаков до конца ещё не доработано, а следовательно, и не совсем ясно, где и что следует искать.

Несмотря на всю сложность проблемы, данные психофизиологии позволяют считать отдельные участки мозга «ответственными» за конкретные психические характеристики человека (так были выделены зона Брока, зона Вернике и т. д. [13]). Тем не менее, вопрос о локали-

зации в мозге отдельных качеств человека, а тем более соционических признаков, которые — напомним — отождествляются с *группами* качеств, далеко не однозначен: каждое из качеств обеспечивается взаимодействием целого ряда участков мозга. К примеру, обработка *сенсорной* информации происходит в *коре* головного мозга, в то время как *воля* напрямую связана с такими *подкорковыми* железами, как амигдала и гипоталамус — является ли это свидетельством против использования в соционике термина «волевая сенсорика»? Наша точка зрения: ни за, ни против, т. к. соционическое понятие «волевая сенсорика» включает в себя ряд явлений, которые невозможно разделить на «только волевые» и «только сенсорные». Порождают ли эти явления друг друга или просто сосуществуют во времени — вопрос останется риторическим, пока экспериментальные исследования не принесут конкретные результаты.

Теперь зададимся вопросом: если признаки Рейнина (теоретически) «равноправны и независимы», то случайно ли Юнг обнаружил именно те 4 признака, которые ныне именуются базисом Юнга–Аугустинавичюте, образующим 16 типов? И могут ли одни признаки быть выражены ярче, чем остальные?

Ответ состоит в том, что мы подразумеваем под «равноправием и независимостью», и насколько далеко наше понимание уходит от математики.

Во-первых, признаки Рейнина не могут быть независимыми *физически*. Допустим, признаки «существуют» не только математически, но и локализованы в различных отделах головного мозга. Тогда, поскольку они пространственно разделены и в этом смысле *независимы*, это приводит нас к типологии из $2^{15}=32768$ типов. А как же иначе? Ведь признаки существуют материально и *все сразу*, а математически абстрактное утверждение об извлечении «лишних» признаков не проходит на практике.

Во-вторых, пересечение *любых двух* признаков Рейнина даёт третий признак. Отсюда, как заметил сам Рейнин, следует, что не любая комбинация произвольных 4 признаков Рейнина образует 16 юнговских типов, а только такая, чтобы каждый из признаков, в свою очередь, не образовывался пересечением двух других. Только такая комбинация и может теоретически стать *базисом типологии*. К примеру, комбинация признаков «статика/динамика» х «квестимость/деклатимность» х «правые/левые» х «уступчивость/упрямство» теоретически может быть базисом, а если последний признак заменить на «аристократию/демократию», то не может.

Кроме того, от проявленности двух любых признаков базиса может зависеть проявленность порождаемого ими признака. Более того, *незначительное* «размывание» базисных признаков (т. е. смещение от крайних проявлений к середине дихотомии) может приводить к *значительному* «размыванию» небазисных.

Последнее замечание мы считаем необходимым проиллюстрировать на примере признака «статика/динамика». Допустим, что испытуемый — *экстраверт*, но его показатели по этому признаку невелики. Скажем, на 55% он экстраверт, на оставшиеся 45% — интроверт. С рациональностью/иррациональностью пусть дело обстоит лучше: 30% — иррациональность, а 70% — рациональность. Подчеркнём, это не ошибка человека, проводящего типирование, это **физиологические параметры данного субъекта**. А теперь посмотрим, как у него будет проявляться признак статика/динамика. На рис. 2 квадратом выделена область, в которую попадают признаки испытуемого. Видно, что он существенно «залезает» как в область статики, так и в область динамики. В числах имеем:

$$S_{\text{дин}} = 0,7 \cdot 0,55 + 0,3 \cdot 0,45 = 0,52 = 52\%$$

$$S_{\text{стат}} = 0,7 \cdot 0,45 + 0,3 \cdot 0,55 = 0,48 = 48\%$$

Очевидно, в любом случае (даже нереальном рациональность=100%, иррациональность=0%) признак статика/динамика не может проявляться лучше, чем признак экстраверсия/интроверсия. Это можно представить себе, если признать, что признак статика/динамика проявляется как соционический темперамент человека. Чистые же темпераменты встречаются редко. К примеру, у одного и того же человека в 50% случаев (времени) реакция может быть реакцией сангвиника, в 30% — флегматика и в 20% холерика. В какой момент его застанет тест или соционическое интервью, можно только гадать. Кроме того, буквального соответствия (как это предполагалось первоначально) между линейно-напористыми и холериками, между гибко-разворотливыми и сангвиниками, между восприимчиво-адаптивными и меланхоликами, а так-

же между спокойно-уравновешенными и флегматиками не существует. Если бы такое соответствие было, то, к примеру, все представители типов СЛЭ и ИЭЭ однозначно относились бы к сангвиникам, хотя известно, что среди них достаточно много холериков [10]. **Ясно, что признаки следующих порядков будут иметь ещё меньшую выраженность.** Что уж говорить о признаке 4-го порядка...

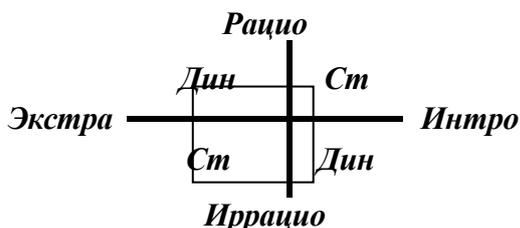

Рис. 2.

уже приведенной цитатой. На наш взгляд, эти 4 признака довольно ярко выражены не только в психике человека, но также в его конституции, в особенностях его мимики и моторики, т. е. в **материальных** факторах. Когда писалась работа о признаках Рейнина — это было лишь предположением; сейчас же Е. С. Филатовой накоплены фотографии нескольких сот оттипированных ею людей. Их сортировка по юнговским признакам отражает довольно чёткие, заметные даже не соционику закономерности [14]. Представлены ли остальные признаки Рейнина столь же «материально» — ещё предстоит разобраться: хорошо бы, чтобы их сторонники для начала создали их непротиворечивые описания!

Необходимо также отметить ещё одно отличие юнговских признаков от прочих 11 признаков Рейнина. В описании первых речь идёт о ряде фундаментальных свойств психики человека (особенностях *восприятия* и *решения*); вторые, как мы видели, описываются косвенно, через поведенческие проявления. Представим себя в роли школьника, перед которым стоит непростая задача: ему нужно сделать домашнее задание, а по телевизору идёт интересный фильм. Если школьник интуит, этик, экстраверт и иррационал, то ход его размышлений смоделировать можно, например, так: «Необходимое, всё равно, сообразить успею (интуиция, экстраверсия) ... математичка может заболеть (интуиция), да и вообще она ко мне хорошо относится — «двойку» не поставит (этика)... в случае чего Пашка даст списать (этика, интуиция)... фильм гораздо интереснее обыденной «домашки» (иррациональность, экстраверсия, интуиция) и т. д.». А теперь предположим, что нам даны не юнговские характеристики, а рейнинские: известно, будто школьник «деклатим», «упрямый», «серьёзный» и «аристократ». Как, исходя из выданной информации, можно представить себе процесс решения проблемы?... Ведь, одно дело — **критерии** принятия решения, другое — **последующие** действия, поступки, поведение. Однозначного соответствия ожидать здесь просто наивно — есть множество промежуточных факторов.

Наличие «признаков Рейнина» мог бы доказать или опровергнуть тест, построенный на любых четырех **независимых** из них, взятых **вместо** 4 юнговских (а не вместе с ними). За решение подобной задачи до сих пор не брался **ни один** соционик, хотя Гуленко, к примеру, и утверждает, что некоторые из «признаков Рейнина» должны проявляться даже сильнее, чем основные. Здесь нельзя не процитировать А. Аугустинавичюте: «Теория признаков Рейнина дает возможность составить тест по 15 шкалам. В случае, если тестируемый на все 15 шкал ответил равнозначно, с выходом на тот же тип имеем почти четырехкратную проверку. По-моему, этого достаточно» [1].

Мы думаем, что если такой тест будет создан, он легко докажет или опровергнет наши выводы о неравнозначности (не математической, а практической) признаков Рейнина. Впрочем, некоторые сторонники дополнительных признаков пока находят отговорку: «По юнговским признакам тесты толком не работают, чего же вы хотите от столь тонкой материи?». Что ж, сейчас под руководством А. М. Ельяшевича активно разрабатывается универсальная методика тестирования — надежда на решение этой части проблемы есть, но представляется, что до теста по признакам Рейнина ещё очень далеко совсем по другим причинам. Как мы показали выше, смысловое содержание признаков оставляет желать лучшего. Какие вопросы задавать на каждый признак — в настоящее время практически совсем неясно. Казалось бы, чего проще: взять хотя бы по 10 человек каждого типа (надёжность определения типа предполагается) — итого 160, разбить эту группу на две и попытаться найти, что есть общего у людей в каждой

половине. Причём искать, не ограничивая себя теми названиями и содержанием, которые закрепились за рядом признаков. Но, к сожалению, те эксперименты (в том числе совсем недавние), с которыми знакомы авторы статьи, ставят перед собой другие задачи. В результате названия за признаками полностью сохраняются, зато заметно смещается «набивка». С предыдущей её роднит только одно: она столь же уязвима для критики...

Вместе с тем, наша статья не ставит целью огульное отрицание всего, что связано с признаками Рейнина.

Во-первых, некоторые из признаков, по крайней мере, хорошо наблюдаются если не на практике, то на модели А (авторы не ставили задачу критического анализа данной модели). К слову сказать, сторонники признаков Рейнина могли бы представить, например, модель А', построенную не на юнговских функциях, а на «рейнинских», к примеру, поделив интуицию/сенсорику и этику/логику не на экстравертные/интровертные, а на квестимные/деклатимные. Очевидно, при равноправии всех признаков должны иметь смысл и такие функции, как «квестимная логика», «деклатимная этика» и т. п., а модели А и А' — быть эквивалентными.

Во-вторых, в ходе поисков признаков Рейнина был получен весьма ценный наблюдательный материал. Были выявлены «особые приметы» отдельных типов, или даже целых групп — четвёрок. Ведь зачастую то, что экстраполировано на целых 8 типов, было справедливо хотя бы для двух из них — а это уже неплохое подспорье в практике типирования.

В-третьих, теория признаков Рейнина часто используется, как иллюстрация принципа, положенного в основу соционики: есть качества, по которым люди дополняют друг друга; и есть качества, различие которых приводит к противоречиям, конфликтам. Нам думается, что экспериментальную проверку существования и/или содержания таких качеств следует проводить, не связывая себя а priori теорией признаков Рейнина, а сопоставляя с ней полученные в результате экспериментов данные. Только так можно будет судить о надёжности, валидности смыслового наполнения того или иного признака (которых в результате может оказаться и более 15-ти). Поэтому мы надеемся, что такие эксперименты будут проводиться — с тем, чтобы факты вытеснили из соционической теории беспочвенные догадки.

Л и т е р а т у р а .

1. Аугустинавичюте А. Соционика. Введение. — СПб., 1998, 444 с.
2. Аугустинавичюте А. Соционика. Психотипы. Тесты. — СПб., 1998, 440 с.
3. Аугустинавичюте А. Теория признаков Рейнина. Очерк по соционике. //Соционика, ментология и психология личности. — 1998. — №№ 1–6.
4. Воронин Л. Г., Колбановский В. Н., Маиш Р. Д. Физиология высшей нервной деятельности и психология. — М. «Просвещение». 1977. — 223 с.
5. Гуленко В. В., Тыщенко В. П. Юнг в школе. — Новосибирск, 1997.
6. Карпенко О. Б., Букалов А. В., Чикирисова Г. В. Признаки Рейнина: гендерные различия и социальные ожидания. //«Соционика, ментология и психология личности». — 2000. — № 5.
7. Кашицкий С. Е. Среди людей. Соционика — наука общения. М., Армада-пресс, 2001, 416 с.
8. Леонтьев В. О. Признаки Рейнина и теория баланса. //Соционика, ментология и психология личности. — 2000. — №5.
9. Лытов Д. А., Орский В. В. «Управляющие» и «лидеры» в соционике и типологии Майерс-Бриггс. //«Соционика, ментология и психология личности». — 2001. — № 6.
10. Мегедь В. В., Овчаров А. А. Учитесь эффективно управлять людьми. — Киев, Карвали. 2000, 124 с.
11. Онуфрієнко І. Д. Соціоніка //Наука і суспільство. — 1990. — №№ 1–5.
12. Рейнин Г. Р. Группа биполярных признаков в типологии Юнга. //Соционика, ментология и психология личности. — 1996, № 6.
13. Таланов В. Л., Малкина-Пых И. Г. Справочник практического психолога. — СПб, «Сова» и М., ЭКС-МО, 2002, 924 с.
14. Филатова Е. С. Личность в зеркале соционики. — СПб., 2001, Б&К, 286 с.
15. Филатова Е. С. Соционика для всех. Наука общения, понимания и согласия. — СПб, 1999, 276 с.
16. Юнг К. Г. Психологическая типология. — см. [1].

Статья поступила в редакцию 29.09.2002, последняя версия — 28.12.2002.